

Б Ы Т І Е

СЕРДЦА МОЕГО.

Б Ы Т І Е
СЕРДЦА МОЕГО,
И Л И
СТИХОТВОРЕНІЯ
К Н Я З Я
И В А Н А М И Х А Й Л О В И Ч А
Д О Л Г О Р У К А Г О .

Угодень — пусть меня чистають,
Противень — пусть въ огонь бросаютъ :
Трубы похвальной не ищутъ.

~~~~~  
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.  
~~~~~

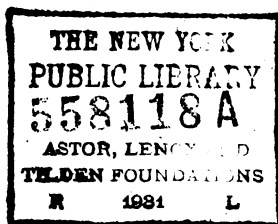
ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ СТИХОТВОРЕНІЯ
ЛЮБОВНЫЯ.

~~~~~
М О С К В А .
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1 8 1 7 .

Уфл

Печатамъ позволяется съ шѣмъ, чптобы по отпеча-
таніи, до выпуска въ продажу, представлены
были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ
сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для
Департаментна Министерства просвѣщенія, два эк-
земпляра для Императорской Публичной Библіотеки
и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. СПБ.
Мая 1 го дня 1817 года. Статскій Совѣтникъ и
Кавалеръ Иванъ Тиликовской.

Я.

Ты хочешь знать меня? — Изволь, мой
друг, скажу,
И съ радостью тебѣ порптретъ мой покажу;
Со всѣмъ, что Богъ ни далъ, на сцену я пред-
стану;
Пороковъ убирать моихъ оппнюдь не стану.
Такъ слушай же шеперь, кшо я, чей сынъ,
чей внукъ,
И въ правдѣ словъ моихъ повѣрь мнѣ безъ
порукъ.

Я мѣлая кроха Князей тѣхъ крупныхъ,
славныхъ,
Изъ коихъ на Руси одинъ во дняхъ недавныхъ
Великому Царю велику правду рекъ.
Не мнѣ чеша былъ Князь и громкой человекъ!
Всю жизнь свою провелъ въ обычаѣ угрюмомъ,
Опечесства былъ столцъ, опцу его былъ
другомъ.
Внукъ эшаго — мой дѣдъ — позналъ, какъ
говорятъ,
Что вправду близъ Царя — близъ смерти
всѣ стоятъ.
Монархъ его любилъ, вельможи величали;
Тамъ сосланъ и казненъ — и поминай какъ
звали!
Жена его съ нимъ все дѣлила, такъ какъ другъ,
Милѣй самой себя ей былъ ея супругъ;

Часть II.

А

Perlestein, Jan. 27, 1951.

Лишася вѣ немѣ всего , вѣ монахиняѣ спа-
салася ,

И схиму воспріявѣ , средѣ Кіева скончалася.
Опецѣ мой (и того уже кѣ себѣ взялѣ Богѣ)
Душею былѣ богачѣ , а щастіемѣ убогѣ.

Моя почтенна маѣ шяжелой крестѣ свой
носиѣ ,

Вѣ недугаѣ изнурыѣ , вседневно смерѣ про-
сиѣ .

А я Jeannot tout court и голѣ , шакѣ какѣ соколѣ .
Служа 18 лѣтѣ , вѣ чепвершой классѣ вошелѣ .
Жена моя добра , люблю ее какѣ душу ,
Люблю — но и подѣ часѣ прясую ее какѣ грушу ,
Дѣшей вокругѣ себя привелѣ Богѣ восемь
счесѣ ;

Но двухѣ спросилѣ назадѣ , ошалоѣ шолько
шесѣ .

Творецѣ да будецѣ имѣ прибѣжище и сила ,
И что восхоцетѣ Онѣ , чтобѣ сѣ ними то и
было !

За Нимѣ , увѣренѣ я , ни что не пропадетѣ :
Молишва , вздохѣ , слеза — все мзду свою
найдетѣ .

Доволенѣ будѣ , мой другѣ , ты сею родословной !
Займу шеѣ шеперь я описью подробной
Всего того , что здѣсь своимѣ могу назвашѣ . —
Снаружи напередѣ начну я рисовашѣ .

Нашура маску мнѣ прескверну опустила ,
А нижню челюсть шакѣ запасну припустила ,
Что можнобѣ изѣ нее по нуждѣ , шакѣ сказашѣ ,
Вѣ убышокѣ не входя , другому двѣ спачашѣ ;
Глазѣ пара пребольшихѣ , да подѣ носомѣ не вижу ,
То естѣ я близорукѣ , — ларнета ненавижу ;

Хоть ростомъ никогда не буду великанъ ,
 Но въ рекрутской наборъ и мой годишся станъ:
 Вотъ все, что мнѣ на крестъ Природа положила!
 Увидимъ ниже , чѣмъ душонну снарядила.
 Но вмѣстѣ все смѣшавъ, не лѣзя ей пофѣняшь,
 Чтобъ мѣшила во мнѣ поваръ лицомъ продать.
 Родитель мой меня воспитывалъ, какъ должно:
 Учился я всему, чему придумаешь можно;
 Да что-то я на все тупенекъ съ малу былъ:
 Иное не далось , иное позабылъ.

По мѣрѣ лѣтъ моихъ прошелъ я всѣ науки ,
 На разныхъ языкахъ мололи мнѣ азъ, буки ;
 Лашынь , одну Лашынь — по складу , по
 толкамъ,

Твердилъ семь битыхъ лѣтъ , и все по пус-
 тьямъ ;

Что денегъ Богъ пошлетъ, въ минушусочитаю,
 А Машемашики совѣмъ, мой другъ, не акаю,
 И сколько мастеровъ ни смучилъ я за ней,
 Дошелъ до дѣлежъ, и въ пень сталъ у дробей.
 Учился фехтовать за дорогую цѣну ,
 И вѣчно попадалъ не въ цѣль , а прямо въ
 стѣну.

Бывалъ всѣ въ барабанъ бои до одного ,
 А нынѣ, хоть убей, не помню ничего.
 Въ манежѣ при зимы менялъ не муштровали,
 Къ ѣздѣ на лошадяхъ всемѣрно приучали ;
 Но всеу зяпѣвань , чего нѣтъ на роду :
 Не только что съ коня, съ клячки упаду.
 Ты видишь , что я льстишь нисколько не на-
 мѣренъ ,

И шанъ въ моихъ словахъ пожалуй будь увѣ-
 ренъ.

Не зная, лучше что изъ этихъ двухъ игрушекъ:
Пырнушь ножемъ въ углу, иль дашь пуза
изъ пушекъ,

По логикъ моей давно расположилъ,
Что такъ ли, или сякъ, да плохо, какъ убилъ.
Мнѣ мамки напередъ: вонъ, бапюшка Князь,
бука!

Пугнули шакъ, что я боялся долго жука;
А нынче, какъ ужъ спалъ немножко смы-
шленѣй,
Такъ только лишь однихъ боюсь, мой другъ —
людей,

И для того отъ нихъ поодаль часто жмуся,
Изъ заугла на ихъ проказы я смѣюся: —
Подобно какъ въ лѣсу громовую спрѣлой
Падешъ разбитъ въ щепы кудрявой дубъ
большой;

Громадою его весь мѣлкой лѣсѣ разишся;
Что прежде защищалъ, то въ мигъ спрем-
главъ валишся;

Въ пожь время деревцо въ кустарникъ глухомъ,
Гдѣ чуть-чуть раздались спихіевъ прѣ и громъ,
Отъ солнышка въ шѣни, отъ бурь въ уединенъи
Разгнѣванныхъ небесъ не чувствуетъ волненъи.
Природа не дала мнѣ больше сихъ даровъ;
Весь шумъ, какъ видишь ты, и безъ обиняковъ.
Но спросишь ты меня, чѣмъ въ жизни на-
слаждаюсь,

И въ праздности какой забавой занимаюсь? —
Мой другъ! отъ картъ меня уволить я прошу,
Боспону жершвы я совѣмъ не приношу;
За зайцемъ по полямъ съ собаками гонаться, —
Симъ правомъ сильного не масшеръ величаться.

О женщины! лишь васъ съ пристрастіемъ
люблю;

За васъ — для васъ — по васъ я многое
стерплю!

Лишь взвижу гдѣ карсетъ, — пропасть душой
и тѣломъ!

Не думай, чтобъ шупилъ; нѣтъ право, са-
мымъ дѣломъ.

Какихъ краевъ и лицъ я женщину ни зрю,
Готовъ для всякой храмъ и сердцемъ всѣхъ
дарю.

Премудрости Боговъ о пы залогъ прекрасной —
О женщины! какой не любитъ васъ несчастной?

При васъ я и крохамъ сухаго хлѣба радъ;
Безъ васъ — ненадо мнѣ и мраморныхъ палатъ.

Причины у всего просилъ я околodka,

Почто я весь не свой, какъ вѣспрѣмился
красотка;

Всякъ бредитъ свой доводъ, а кажется всѣ
врутъ.

Что нужды, пусть меня Сердечкинымъ зовутъ;

Купиду, вѣрь мой другъ, никто не одолѣетъ,

И всякъ изъ насъ его по своему лелѣетъ.

Доколѣ свѣтъ стоитъ и смертныхъ родъ
живетъ,

Опъ женщинъ насъ ничто нигдѣ не отвлечетъ.

Всѣ моды проходя, одна другой мѣнялись:

Мущины по въ шишакъ, по въ шали наряжались.

Бывало, какъ изволь, вездѣ безъ пошлѣны ври;

А нынче сядъ за столъ, и дѣлай de l'esprit.

Вѣкъ на вѣкъ не придець: то вдругъ зашѣютъ
драхъся,

То примушся пахать, хозяйствомъ зани-
маться;

Теперь же посмотри (когда весь міръ вверхъ
дномъ),

Мущина за канва, а женщина верьломъ....

Просли — я отъ моеи маперіи отбилъ;

Но мѣ слабостямъ людскимъ отчаспи успре-
мился

На шотъ одинъ конецъ, чшобъ дѣломъ по-
казать,

Чшо шотъ же вкусъ всегда не можешъ насъ
пѣляшь.

И такъ среди всего, чшо шоль непостоянно,
Амуръ! хоть отъ тебя сердца мъ людскимъ
извѣнно,

Амуръ! одинъ лишь ты съ Адамовыхъ временъ
данъ бралъ, и будешь брашь со всѣхъ земныхъ
племенъ.

Адамъ въ Раю одинъ за Евою гонялся,
Попомство шѣмъ взманилъ, — весь свѣтъ съ
шѣхъ поръ влюблялся,

Но съ той по временамъ и людямъ разношой,
Чшо всѣ любезны бытъ имѣли способъ свой.

Лѣтъ триста, на примѣръ, назадъ тому, я чаю
Любовникъ не пѣвалъ: Ахъ! я васъ обожаю!

Туляфною водой распысканной Синавъ
Славянскимъ красотамъ не шрафилъ бы на
нравъ;

Депрейшъ Генрихъ самъ не такъ бы полюбился,
Когда бы прочъ усы и въ фрачекъ нарядился;
И также врядъ шеперь понравится Паша,
Которой, снявъ чалму, проскачешъ анпраша.

Но впрочемъ, всякъ свою красоточку голубить!
Владыка подъ вѣнцомъ, мужикъ въ опрелѣхъ
любитъ.

За что же одного винишь въ любви меня?
Желалъ бы посмотреѣть, кшо жъ въ эпомъ и не я?
Я думаю, что ты, мой другъ нелицемѣрной,
Доволенъ долженъ быть картиною столь вѣр-
ной.

Проси!... пора письмо на почту отсылать;
Въ Москвѣ всему свой часъ, боюсь опоздать.
Люби Jeannot; хоть онъ дѣшина незадорной,
Но будешь навсегда слуга твой всепокорной.

НИЗОВАЯ ПОВѢСТЬ.

А н а!

— Quel plaisir au retour !

Quand le soir près du feu on se raconte ensemble
Ce qu'on a vu tel jour, en tel endroit : il semble
Qu'on le revoye encore, en se le racontant.

Я люблю путешествовать. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ въ ясное лѣпо переноситься съ мѣста на мѣсто, разсматривать безчисленныя красоты природы; разбросанныя всюду на лицѣ земли, и въ чувствѣ сладкаго удовольствія дивиться дѣламъ небеснаго Верховотворца. — Какъ щасливѣе потѣ, кто можетъ располагать временемъ въ полной свободѣ, отсрочивать отъѣзды свой тамъ, гдѣ ему нравились, и уѣзжать немедленно отсюда, гдѣ соскучилось ! какъ весело, лезая такимъ образомъ изъ края въ край, узнавать что, гдѣ, когда случилось примѣчательнаго ! —

Нѣкогда въ первой молодости моей случилось мнѣ странствовать изъ одного любопытства по берегу Волги рѣки въ селеніяхъ, лежащихъ между Саратовымъ и Астраханью. — По привычкѣ, родившейся во мнѣ отъ меланхолическаго свойства, я любилъ всегда отыскивать дикія мѣстоположенія. Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ лѣпныхъ дней, протѣхавъ преднамѣренное разстояніе, я за нѣсколь-

ко верстѣ отъ ночлега вышелъ изъ кибитки и пошелъ до мѣста пѣшкомъ; солнце было на закатѣ, луна выходила на горизонтъ и блѣдный лучъ ея посеребрѣлъ тихія воды исходящаго изъ Волги прошока. — Тутъ овладѣло мною какое-то внутреннее предчувствіе, что вѣрно въ сихъ мѣстахъ встрѣпится глазамъ моимъ предметъ, достойной особеннаго вниманія; ускоривъ шагъ, я дошелъ до прелестной лужайки. — Попадались мнѣ чепы юношей и взрослыхъ мужиковъ съ ихъ женами. — Иные сокращали путь свой (видно не близкой) деревенскими пѣснями, сими непорочными свидѣтельницами чувствъ поселянина; другіе съ нахмуреннымъ челомъ, бесѣдуя между собою, показывали наружными знаками свое изумленіе. Шумъ и толпа мѣшали мнѣ углубляться въ свои мечты; я шелъ отъ нихъ спороной, и пробирался прямо въ потѣ лѣсокъ, изъ котораго возвращались по домамъ своимъ добрые сіи жители глухихъ Азіатскихъ степей. По нѣсколькихъ шагахъ увидѣлъ колодезь. — Разбросанныя вокругъ его ведра и всякая посуда, омоченная еще водою, показывали мнѣ, что путешественники тутъ отдыхали и прохлаждались. Вблизи колодца стоялъ бѣлой простой камень съ надписью: „Онъ былъ и нѣтъ его.“ По надписи такой мудрено было мнѣ безъ помощи другаго дознаться, кому сей камень служилъ мавзолеемъ. Осматривая все вокругъ себя съ примѣчаніемъ, я мысленно вопрошалъ небеса: кто кости свои положилъ въ такомъ уединенномъ мѣстѣ? кто почилъ навѣки при семъ потоцѣ водъ прозрачныхъ? — Ничто не ошѣвчало моему воображенію. — Рѣшилъ

ся идти далѣе, не теряя однако изъ виду сказаннаго памятника. — Еще опошелъ немножко, еще спунилъ два раза, — и новая явилась очамъ моимъ картина: подъ тѣнью многихъ изъ, сплешшихъ густыя свои вѣтви и, давшихъ пѣшеходу отъ дождя и зноя защиту, стояла бѣдная хижина, отъ древности своей приклонившаяся къ землѣ, и внутрь ея входить, казалось, уже не безопасно. Я осмѣлился туда проникнуть. Ближе двухъ шаговъ отъ порога прислоненъ къ стѣнѣ убогой одрѣ, надъ копорымъ вырѣзаны были изъ прекраснѣйшаго розоваго дерева, въ тамошнихъ краяхъ весьма обыкновеннаго, по имени *каторга*, три буквы; слагающіе ихъ выговаривалъ: *Ана*. Сильнѣе всего удивило меня въ этомъ сокрытомъ отъ наукъ убѣжищѣ (ибо какъ иначе можно было судить о немъ по описанной наружности?) цѣлой листъ бумаги, исписанной кругомъ. Я развернулъ свисокъ, нашелъ списки, и къ нимъ служу чипапелю настоящимъ предисловіемъ. — Прочтя ихъ съ жадностію разъ и два, но не смѣя надѣяться на свою память, съ другой стороны не желая бросить ихъ безъ вниманія, еще менѣе готовъ будучи похитить, починая все, что шупъ находилъ, какъ жертву, принесенную неподобному созданію чувствительнымъ пустыннымъ, я разсудилъ воспользоваться сіяніемъ луны, чтобъ сохранить списокъ, вышелъ изъ хижины, увидѣлъ близко жолъ, взбѣжалъ на оный съ харпціею въ рукахъ, и ставъ на одно колѣно предъ лучезарнымъ свѣтиломъ ночи, а другимъ замятъ сполъ, вынулъ изъ записной своей книжки лоскушокъ бѣлой бумаги, карандашъ, и въ мину-

иу копія спиховѣ была моимѣ приобрѣщеніемѣ ; попомѣ , опнесе подлинникѣ во храмину неизвѣстнаго мнѣ спарца (но нѣтъ , они уже не его ; кто умерѣ , томѣ ни чѣмѣ не владѣвшѣ) , оставилѣ его у возглавія одра , и сѣ подобающимѣ нѣжкому Божеспву уваженіемѣ прикратно покланясь начерпанному слову , воропился кѣ своей повозкѣ . — Трудно ли ошгадашь , что мнѣ не сполько хошѣлось найши и доспигнушѣ до ночлега , успокойшѣся , располагашѣ новыя запѣи кѣ завпрему , описывашѣ гдѣ былѣ сего дни , для чего же не прибавилѣ и опуживашѣ ; какѣ узнашѣ , что все эшо значило . Жаль было мнѣ , что я не догадался взятѣ сѣ собой проводника изѣ попавшейся толпы гулякѣ ; вѣрно , думалѣ я , они здѣсь были и часпо сюда ходяшѣ ; вѣрно они всю шайну знають волшебнаго эшаго края , для меня по испинѣ волшебнаго попому , что ничего не могѣ вѣ немѣ поняшѣ догадкою . — Кто она ? кто онѣ ? безпреспанные были самому себѣ вопросы . — Придумывая тысячу вѣроятностей , добрей я до повозки , сѣлѣ на блукѣ , ударилѣ шройку и топчасѣ очушилѣ вѣ деревушкѣ . Мелькающіе сквозь маленъкихѣ спеклышекѣ огоньки помогли мнѣ разглядѣшѣ , гдѣ спокойнѣе я могѣ приюпитѣся . — Наконецѣ вводилѣ меня слуга вѣ избу . Нахожу благословенную папріархальную семью : преспарѣлыхѣ родителѣй , двухѣ сыновѣй сѣ женами , двухѣ дочерей сѣ мужьями , нѣсколькихѣ внучатѣ и двухѣ правнучатѣ вѣ люлькѣ . Всякой членѣ сего почтеннаго общесства занималѣ своимѣ дѣломѣ , между шѣмѣ какѣ старички , подобящіеся Аврааму и Саррѣ , слушали лзуспную повѣсть отѣ старшаго